

PH. GRIERSON. COINAGE AND MONEY IN THE BYZANTINE EMPIRE. 498—с. 1090.

„Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo“.
Spoleto, 1961, p. 411—453

Статья одного из крупнейших современных нумизматов Ф. Грирсона является полезным обзором истории монетного обращения в Византии VI—XI вв. Автор характеризует прежде всего византийскую золотую чеканку, устанавливая, в отличие от традиционных представлений, что ухудшение качества номисмы началось еще в правление Михаила IV (1034—1041) (стр. 417); он рассматривает разные типы солидов меньшего веса, полагая, в частности, что тетартерон предназначался для областей, недавно отвоеванных у арабов, и по весу соответствовал арабскому динару (стр. 421 сл.). Серебряный милиарисий VIII в., резко отличающийся от гексаграма VII столетия, Грирсон считает возникшим под влиянием арабского дирхема; причем первыми монетами этого типа были, по его мнению, милиарисии Льва III, которые прежде приписывались Льву V (стр. 427); термин *βασιλεὺς Ῥωμαίων* на легенде этой монеты мог, полагает Грирсон, принадлежать и Льву III, поскольку он встречался на печатях этого императора. Тезис этот все же остается спорным — как потому, что эволюция императорской титулатуры на разных типах документов протекала по-разному¹, так и в силу неопределенности свидетельств о применении этого титула до 812 г.² В XI в. в связи с «серебряным голодом» чеканка милиарисиев сокращается (стр. 430).

Бросающаяся в глаза особенность в истории бронзовой чеканки VI—VII вв. — исчезновение мелкой монеты (в 5 и 10 нуммов) и увеличение процента крупной (в 40 нуммов = 1 фоллу); при этом вес фоллы только за время царствования Ираклия уменьшился вдвое, а попытка возобновить в конце VII в. чеканку тяжелых фоллов оказалась недолговечной (стр. 436 сл.). Бронзовая монета подвергалась постоянной перечеканке, иногда через 5—10 лет после выпуска (стр. 443 сл.). Грирсон отмечает это обстоятельство, но указывает, что причина подобной перечеканки неясна.

В последнем разделе рецензируемой работы ставится ряд вопросов, связанных с использованием нумизматического материала для экономической истории Византии. Действительно ли стабильность золотой чеканки до середины XI в. была выражением экономической стабильности или, напротив, известная степень «инфляции» может лучше обеспечить хозяйственные потребности общества (стр. 444 сл.)? Можно ли уменьшение числа монетных находок связывать с сокращением денежного обращения (стр. 445 сл.)? Какое влияние оказала византийская монета на западноевропейские государства (стр. 446 сл.)? Все эти вопросы ставятся, но не решаются Грирсоном, хотя он и отмечает ряд важных фактов, как, например, «поразительное совпадение» статистики монетных находок при раскопках в разных городах или практическое исчезновение византийских монет в западных кладах со второй четверти VII в.

Думается, впрочем, что западный мир — во всяком случае начиная с X в. — хорошо знал византийскую монету, которая проникала туда, несмотря на запрет вывозить золото, и оставила о себе память как в письменных источниках, так и в виде подражаний³. В частности, больше милиарисиев, чем это кажется Грирсону (стр. 452), проникало в Прибалтику: наряду с кладом в Оксарве, который автор упоминает в этой связи, можно назвать и клад в Велла (Эстонская ССР), содержавший свыше ста серебряных монет Василия II и Константина VIII⁴.

А. К.

¹ F. D ö l g e r. Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956, S. 130.

² Ibid., S. 135, A. 24.

³ См. A. S u h l e. Der byzantinische Einfluss auf die Münzen Mitteleuropas vom 10. bis 12. Jahrhundert. «Aus der byzantinischen Arbeit der DDR», II, 1957.

⁴ И. В. С о к о л о в а. Византийские монеты клада Велла. «Труды Гос. Эрмитажа», 4, 1961.